

ствующий атеизм» В.И.Ленина, это же не «метафизический» атеизм энциклопедистов, Л.Фейербаха или это даже не диалектический материализм К.Маркса. В этом смысле и атеизм, как это уже доказано в отношении религиозности, глубоко национален.

⁸ См. напр.: *Алексеева И.Ю.* Философия в современной России и русская философия // *Философы России XIX — XX столетий: (Биографии, идеи, труды)*. М., 1993. С. 217—220.

⁹ *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Функциональный кризис науки // *Вопр. философии*. 1998. № 1. С. 17—29.

¹⁰ *Алексеева В.А.* Понимание и опыт в паутине либерализма // *Человек и общество в информационном измерении*. Екатеринбург, 2001. С. 270—276.

¹¹ *Панарин А.* Жизненный мир и агрессия рациональности // *Alma mater*. 2000. № 8. С. 34—39, 36.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Панарин А.* Жизненный мир и агрессия рациональности // *Alma mater*. 2000. № 7. С. 3—11. С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В русской православной культуре синтетическому образу реальности соответствует «образ» — русская икона (*Раушенбах Б.В.* Пристрастие. М., 1997).

¹⁷ Современный философский словарь. М.-Бишкек-Екатеринбург, 1996. С. 282.

¹⁸ *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Соч.* В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 303.

¹⁹ *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 512.

²⁰ *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. М., 1997. С. 10.

²¹ *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. С. 14.

²² *Кант И.* Критика чистого разума. С. 91.

²³ *Леонтьев К.Н.* Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. М., 1991. С. 494—514. С. 502.

²⁴ *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. С. 22.

²⁵ Метафизика — философское учение об общих, отвлеченных от конкретного существования вещей и людей, принципах, формах и качествах бытия... Формирование и развитие метафизики стимулируется задачами ее самоопределения по отношению к конкретным формам человеческого опыта и знания...» (*Кемеров В.Е.* Метафизика // *Современный философский словарь* // *Ред. В.Е. Кемеров*. М.- Бишкек — Екатеринбург, 1996. С. 282).

²⁶ *Флоровский Г.В.* Метафизические предпосылки утопизма // *Вопр. философии*. 1990. № 10. С. 80—98. С. 80.

²⁷ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины // *Соч.*: В 2 т. М., 1990. Т. I (II). С. 753.

²⁸ Там же. Т. I (I). С. 283—284.

²⁹ *Флоренский П.* У водораздела мысли // *Собр. соч.*: В 3 т. Paris, 1985. Т. 1. С. 299.

³⁰ О плодотворной попытке слияния синергетики и богословия см.: *Головкин В.В.* Синергетика — наука богословская // *Наука и оборонный комплекс — основные ресурсы российской модернизации*. Екатеринбург, 2002. С. 335—341.

Ю.И.НОВОЖЕНОВ

НАТУРАЛИСТ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТ: О ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Н.В.ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО

По подсчетам историков биологии современный синтез знаний о причинах эволюции на основе классического дарвинизма и генетики был сделан не менее 40—50 учеными из восьми стран мира. Одна-

ко истинным создателем микроэволюционного учения можно считать Н.В.Тимофеева-Ресовского.

Именно он дал логически стройную схему работы основных механизмов эволюции. Для этого он прежде всего четко определил понятия: элементарной единицы эволюции — популяции, элементарного популяционного материала- мутаций как «кирпичей эволюционного процесса», элементарного эволюционного явления- долговременного изменения генетической структуры популяции и, наконец, элементарных эволюционных факторов: мутационного процесса, популяционных волн или дрейфа генов, изоляции и естественного отбора.

Впервые эта логическая схема эволюционного процесса была изложена им в статье «Мутации и географические вариации», вошедшей в известный сборник Джулиана Хаксли «Новая систематика» (1940). На русском языке она была описана в статье «Микроэволюция», опубликованной в «Ботаническом журнале» №43 в 1958 году. С тех пор все поколения биологов, физиков, философов, все интересующиеся учатся понимать биологию по этой логически безупречной картине эволюционного процесса. Она вошла во все современные учебники по дарвинизму и синтетической теории эволюции. Она дает представление о том, как протекал и как протекает процесс эволюции уже около 4 млрд. лет на нашей планете. «В биологии нет ничего значимого вне эволюции»,- как сказал друг и соратник Николая Владимировича его соотечественник, основавший эволюционную и популяционную генетику в США — Феодосий Григорьевич Добржанский. Эти два великих человека внесли своими практическими и теоретическими исследованиями самый существенный вклад в развитие и распространение в мире современного эволюционного учения, основанного на достижениях генетики. Одного из них судьба занесла в Америку, другой развивал русские эволюционные идеи в Европе. Добржанский был выходцем из петербургской генетической школы, Тимофеев — московской. В западную культуру они совместно и независимо друг от друга основали русскую биологическую школу, подобно другим своим великим соотечественникам — полпредам русской науки за рубежом: братьям Л.И. и И.И. Мечниковым, П.А.Сорокину, А.Е.Чичибабину, В.К.Зворыкину, В.Н.Ипатьеву, И.И.Сикорскому и многим еще.

В отличие от них Тимофееву-Ресовскому было суждено вернуться на Родину и озвучить ей культурную и биологическую память, утраченную во времена лысенковского мракобесия и марксистского идеологического безвременья. Так как это сделал он, пройдя все муки ада и выражи лихолетья, не сделал больше никто. Именно он своей лучшей энергией, своими энциклопедическими знаниями и духовным богатством воссоздал в России и окружающих ее странах былые научные и культурные традиции, создал невидимый коллектив единомышленников, интеллектуально-духовных единовольцев, преданных истине и научному творчеству во многих областях естествознания от классической ботаники и зоологии до биофизики и молекулярной биологии, биогеоценологии и радиобиологии.

«В детстве я мечтал стать пожарником, а сейчас сам не знаю кто я такой»,- с юмором отвечал он на вопрос, представителем какой

науки он является. Можно с уверенностью сказать, что он из плеяды последних энциклопедистов, уровня ак. В.И.Вернадского, ак. Л.С.Берга, Дж.Б.С.Холдена, Дж.Бернала, Б.Рассела, П.Тейяр де Шардена и еще нескольких уникальных умов человечества. Бурное развитие и дивергенция наук, к сожалению, способствует их исчезновению. Ранняя специализация ведет к заикливанию таланта.

«Зубр» не любил ограниченных людей, они были чужды его широкой натуре, его универсальному интеллекту. К сожалению таких узких специалистов, которые всю жизнь копают одну тему, очень много среди биологов. В.В.Вересаев верно назвал их «ученые биологи педанты». Их появлению, помимо генов, способствует наше университетское образование, когда студент третьего курса считает себя физиологом растений или животных, биохимиком или генетиком, ничего не зная о сущности естествознания, да и той науки, в которой он подвизается. «Ученейшие дяденьки и тетеньки», говорил Тимофеев-Ресовский о таких специалистах, которые убивают живой дух и романтизм науки. Они лишены воображения, полета фантазии, они похоронят любую идею, они рабы своей собственной ограниченности. «Встречаются люди, радиус кругозора которых равен нулю, и это они называют своей точкой зрения», метко иронизировал учитель. Эти люди- обыватели от науки, среди них не только скучно, но и нечем дышать, поэтому Зубр избегал их, хотя сам интересен для них своей необычностью.

Еще больше он не терпел карьеристов, примававшихся к науке как к дойной корове. «Китом не трудно стать, нужно только долго не умирать, а вот чтобы стать подкитком нужно иметь гибкий хребет». В биологии, которую философы превратили в социальную дисциплину и с помощью Исая Презента да Трофима Лысенко сделали лженаукой на несколько десятков лет, таких подкитков развелось довольно много. Засев в административных креслах, они испортили кровь и научную жизнь многим людям «фаустовского типа», как называл их О.Шпенглер, в том числе и Николаю Владимировичу. Достаточно только вспомнить гнусную и унижительную процедуру защиты докторской диссертации, которой подвергли всемирно известного ученого с энциклопедическими знаниями и многочисленными трудами, за каждый из которых ему можно было дать любую степень и звание, благо он их уже имел достаточно, но официальная наука, оккупированная номенклатурой, не хотела портить свои ряды чужаками. Да и кто бы дал ему рекомендацию, без гарантии лишиться кресла в научной иерархии. Лишь ак. В.А.Энгельгардт предпринял такую обреченную попытку, да физики П.Л.Капица, А.Ф.Иоффе, И.Е.Тамм, которые всегда его уважали, не в пример биологам.

Жизнь Тимофеева-Ресовского — это судьба русского интеллигента (нет ничего хуже, чем быть интеллигентом в России), это судьба растерзанной, униженной, обездоленной, но выжившей России XX в. Революция, Гражданская война, в которой он воевал на стороне красных и зеленых (анархистов), репрессии, из-за которых он лишился Родины на 20 лет, Отечественная война, в которой он принял участие в тылу врага и потерял старшего сына, тюрьмы и лагеря, которые он прошел из-за преступного беспредела в НКВД, «ша-

рашка», где он был упрятан в лучшие творческие годы своей жизни, мрачная уральская провинция и Обнинский «новодырск», куда съезжались бесквартирные м.н.с. (младшие научные сотрудники). Судьба человека, о которой можно писать романы и повести, тем более, что человек-то незаурядный, не какой-нибудь доктор Живаго или Ибикус. Трудно представить, что ему пришлось пережить, и ведь выжил, хотя и лишился, зрения и зубов, выжил и сохранил не только свой удивительный мозг, живую память, но и стойкий негибаемый русский дух. Русью пахло во всех его делах, словах, в воспоминаниях, в нравах и выходках, в простоте и юморе, в интеллекте и внутренней культуре, в любви к природе и близости к народу. Зря радовались номенклатурные демократические оборотни, приобщив его к своей лживой идеологии в начале перестройки. Он заклеил им задолго до того, как они раскрыли свою алчную сущность. «Прикончат какие то ни было разумные способы хозяйствования, разграбят все, что можно, а потом распродадут Россию по частям. В колонию превратят.» Так говорил он еще до 1981 г. («Воспоминания» М., 1995), когда мы с упоением нюхали ветер грядущих перемен и шумели на кухнях. «Спаси, Господи, и помилуй! Вы представляете, что у нас будет, если у нас вдруг демократия появится. Ведь это же будет засилье самых подонков демагогических. Это черт знает что! Хуже сталинского режима». Так рассуждал он, когда еще не было горбачевых, бурбулисов, чубайсов, жириновских, гайдаров и хакамад, когда еще не развалилась великая держава, когда еще не началась депопуляция в России в условиях всемирного демографического взрыва.

Он не только предвидел будущее, но и работал на него: последствия Чернобыльской катастрофы он изучал еще задолго до ее возникновения. А «Уральская Хиросима» стимулировала исследования, которые он организовал на Южном Урале на берегу красочного озера Миассово.

Все было подвластно мыслям и чувствам этого чудо-человека, во всем он разбирался, все знал: биологию, химию, физику, математику, русский балет, музыку, живопись, хоровое пение, религию, этнографию, историю. Он вобрал в себя все достижения культуры XX в. Он был живым свидетельством могущества русской духовности, образованности, интеллектуальности, мятежности, мягкости, доброжелательности, гостеприимства, оптимизма и жизнеспособности. Он пришел к нам из золотого века русской науки, из серебряного века русского искусства. Так высоко русская культура никогда ранее не поднималась и едва ли поднимется. Таких людей сейчас нет и едва ли появятся вновь. Человека делают не только гены, его создает культура нативной популяции. Тимофеев-Ресовский часть России, «которую мы потеряли».

Смешными и жалкими выглядят попытки представить Н.В.Тимофеева предателем своего отечества, как и попытки реабилитировать его. Сам он не чувствовал в этом никакой потребности, она появилась у нас. Тимофеев-Ресовский создал три больших коллектива аргонавтов радиобиологии, в Германии (Берлин-Бух), на Сунгуле (Лаборатория «Б») и в Ильменском заповеднике (оз. Большое Миассово), не считая созданных его учениками в Европе, России,

Армении и других регионах. Их исследования касались различных теоретических и практических проблем: физической модели гена и механизма генных мутаций, принципа попадания и теории мишени, частоты мутаций и дозы-эффекта, коэффициентов накопления и миграции радиоизотопов, эффектов радиостимуляции и репарации, противолучевых средств, инкорпорацией излучателей и их выведением из организма и т.д. Всем этим и другим вопросам Тимофеев-Ресовский всегда придавал статус новых научных направлений и глобальных человеческих проблем. Он не только проникал в сущность природных явлений, но романтизировал свои поиски и открытия, увлекал соратников своим энтузиазмом, убеждал их в высшей ценности их помыслов и задач, в аристократичности их научных занятий. «Никогда не делайте того, что и без вас сделают немцы», — любил повторять он своим ученикам.

По складу своего мировоззрения и силе духа Н.В.Тимофеев-Ресовский может быть обоснованно зачислен в славную плеяду русских космистов. Основателями этого естественно-философского направления были: М.В.Ломоносов, Н.Ф.Федоров, Я.Н.Умов, Г.Ф.Морозов, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский, В.В.Докучаев, В.И.Вернадский. Двух последних из этого ряда мыслителей Тимофеев-Ресовский считал своими учителями, а ту науку, которой он посвятил свои годы, проведенные на Урале (оз. Сунгуль, оз. Миассово), он называл не иначе, как «вернадскологией». Эта наука лежала в основе проводимых им и в «круге первом» (Лаборатория «Б») и в Уральском филиале АН СССР радиационно-биогеоэкологических исследований. Ее он избрал для темы своей докторской диссертаций, хотя мог бы выбрать любую из многих проблем, которые он разрешил за свою научную жизнь. Эта наука позволила ему поставить проблему «ноосфера и Человечество» в период смертельного противостояния жизни и технократии, мира и войны.

Тимофеев-Ресовский не только теоретически развивал идеи В.И.Вернадского о ноосфере, но и разработывал конкретные практические решения по превращению сферы жизни в сферу разума. С биосферно-биогеоэкологических позиций он разработал и предложил пути повышения продуктивности биосферы. Он сформулировал принципиально новое положение о том, что человечество должно научиться жить «на проценты» с круговорота вещества и энергии в биосфере, не истощая, как это происходит до сих пор, а, наоборот, наращивая природные ресурсы и производительные силы биосферы. Основным капиталом, «страховым полисом» человечества он считал гомеостатическую организованность биосферы и ее систем (биогеоэкозозов), плотность и разнообразие «живого вещества» планеты. Будучи генетиком он не уповал на технократические чудеса генной инженерии, а искал пути ускорения круговорота вещества на сельскохозяйственном поле с помощью векового искусства человека улавливать солнечный луч.

Технологическая мысль авторов нашумевшей концепции «Пределов роста» (1972) упускает из поля зрения природный процесс эволюции биосферы, позволяющий ей успешно противостоять всем внешним влияниям. Тимофеев разделял мнения своего друга и соратни-

ка внука Т.Гексли (сподвижник Ч. Дарвина) Джулиана Хаксли о том, что «с появлением человека эволюция осознала сама себя». Отсюда у человека одна спасительная стезя — сознательно управлять дальнейшим эволюционным процессом. Отсюда необходимость развития «нового направления эволюционной биологии — эволюции биогеоценозов и биосферы».

«Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт», — ответил он на предложение изменить гражданство. Люди, не имеющие отношения к натурализму, не могут этого понять. Николай Тимофеев родился натуралистом-зоологом. Он как все юные натуралисты ловил водных насекомых, моллюсков, паука-серебрянку, водных червей, рыб. Содержал их в своем аквариуме. Он слушал голоса птиц в весеннем лесу, рыбачил и охотился, собирал коллекции, познавал природу в экскурсиях с выдающимися учеными-натуралистами. Это горожанин — дитя асфальта и крыш — может сменить крышу Москвы на крыши Парижа или Рио-де-Жанейро. «Мировой город» везде одинаков, как и его обитатели. Натуралист- часть природы его родной стороны, он не выживет без нее. Куда бы его не занесла судьба, он всюду будет видеть аналоги ее и всеми клетками будет стремиться к ней. Человек не может предать свою мать, натуралист свою родную природу. Это уже будет не человек.

Главная заслуга Н.В.Тимофеева-Ресовского перед нашей страной, нашим народом, русской культурой заключается в том, что он соединил связь времен, запустил остановившиеся часы традиционной преемственности поколений. Культура, как главная эволюционная адаптация человека, как его уникальный видовой признак, является социальной наследственностью. Она передается горизонтально и вертикально не с помощью генов, а символической языка и речи. Может передаваться она и с помощью книг, магнитофонных записей и компьютеров, но при этом теряет свой живой дух. Дословно записанные речи и воспоминания Тимофеева, опубликованные в книгах и журналах, особенно близки и понятны тем, кто слышал его живой голос. Для других все эти междометия, паузы, афоризмы, поговорки и архаизмы, прозвища и присловки, весь стиль повествования кажутся странными и непонятными, теряют смысл, юмор и духовный настрой. Но главное, конечно, не в форме передачи информации, а в той истине, которую он привнес в наше искаженное сознание, привратил нас из манкуртов в союз единомышленников, духовных представителей своей популяции, хранителей ее культурных нравственных и научных традиций.

Николай Владимирович не любил распространяться о политике, советских философов считал болтунами («философы и философия — это действительно редкие явления в мире человеческом, когда появляются крупные люди, которым есть что сказать прочим людям о своем видении внешнего мира и человеческой природы»), но как человек здравого смысла имел свои очень трезвые и прозорливые суждения о происходящем и прошлых событиях нашей российской истории. «Россия страна богатая и обширная, но порядка в ней нет», — любил повторять он знаменитую фразу. В своей жизни я не встречал более русского человека, который и по-своему любит Россию, и пережи-

вает ее трагические перипетии. С другой стороны, будучи русским по духу, он был истинным интернационалистом, так как представлял науку, которая не приемлет национальных и идеологических границ. Он объехал все европейские страны («кроме Португалии»), ознакомился с их народом, с культурой, искусством, наукой, традициями. Он имел и богатый исторический опыт, который связывал его личную судьбу со всеми значимыми событиями века.

Русскость выражалась в Зубре его открытостью к людям, его общественностью ко всем и бесхитростным расположением к любому, особенно новому человеку. Вспоминается, как бежал он встречать первым любую машину, приехавшую в Миассово, приветствовал радостно, как ребенок, каждого человека, вылезавшего с борта грузовика. Эту доверчивую общинность многие люди использовали без тактичного чувства меры, занимали его внимание, отнимали время, транжирили его внутреннюю энергию. Это, однако, не оставляло Николая Владимировича и он всегда и всюду собирал вокруг себя людей, организовывал семинары, симпозиумы, читал лекции, делился воспоминаниями, дарил идеи. Семинары на оз. Миассово превратились во Всесоюзный свободный университет со многими факультетами и кафедрами: биофизики, кибернетики, теоретической физики, биогеоценологии, генетики, радиобиологии, микроэволюции и т.д. Ректором, деканом и зав. кафедрой всего этого научного и просветительского заведения был сам Тимофеев-Ресовский. По совместительству он возглавлял факультет искусствознания и культурологии.

Эта благожелательная открытость и расположение возвеличивали друзей и обезоруживали врагов. И те, и другие становились лучше, ибо пытались найти в себе качества достойные такого большого и многогранного человека, каким был Н.В.Тимофеев и каким его делала молва, всех общавшихся с ним. У каждого человека в душе есть зародыш доброты, и Тимофеев, поливая его своим обаянием, давал ему возможность расти и развиваться.

Люди, не знавшие Н.В.Тимофеева, спрашивают был ли он верующим. Ответ на этот вопрос прост: он был русским, следовательно православным. Православие для него — неотъемлемая часть русской культуры, более того, православие — главное составляющее русской национальной идеи. С детства он был воспитан в строгом православии своей бабушкой. Увлекался церковной живописью и хоровым пением, сам пел в церковном хоре. Втроем с известным русским живописцем Михаилом Васильевичем Нестеровым и гистологом Иваном Флоровичем Огневым они обошли за две зимы все московские церкви, ездили в Сергиев Посад и окружающие пустыни. При этом И.Ф.Огнев «преподавал нам всю археологию и искусство старых московских церквей», как вспоминал Тимофеев. Живя в Берлине, он был постоянным прихожанином русской церкви, расположенной неподалеку, дружил со многими деятелями православной эмиграции. Бердяев, Франк и другие православные мыслители были его друзьями и посещали его в Бухе, под Берлином.

Как пишет его духовный отец — священник Александр Борисов (в молодости генетик), все разговоры о несовместимости религии и науки Николай Владимирович считал «совершеннейшим вздором».

«Бог создал весь мир, а мы его изучаем», — отвечал он и не видел никакой проблемы в этом вопросе.

С. В. РЫБАКОВ

МИР РУССКОЙ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. В. ВЕРНАДСКОГО

После прихода к власти большевиков из России за границу выехали такие известные историки как П. Миллюков, Р. Виппер, А. Кизеветтер, А. Нечволодов, А. Карташев, Н. Зернов, В. Зеньковский, Г. Флоровский. Они продолжали свою научную деятельность и на чужбине — с разной интенсивностью и разными результатами. Вместе с ними в эмиграции оказалась немалая группа молодых в то время людей, получивших историческое образование, но к моменту выезда еще не завершивших процесс своего профессионального становления. В условиях отрыва от родной почвы решать подобную задачу было очень непросто, и, конечно, не всем удалось этого добиться. Среди тех, кто достиг в эмиграции определенных научных достижений на поприще исторической науки, выделялись Г. Вернадский, С. Пушкарев, М. Карпович, С. Мельгунов, Н. Ульянов. Наибольших результатов среди русских историков-эмигрантов добился, несомненно, Георгий Владимирович Вернадский — сын Владимира Ивановича Вернадского, одного из крупнейших мыслителей XX в., всемирно известного ученого.

I

Георгий Вернадский родился в августе 1887 г. в Санкт-Петербурге. Его отец уже в то время был широко известен как крупный специалист в области геологии и естествознания. Дед Георгия — Иван Васильевич Вернадский — был политекономом, труды которого во второй половине XIX в. пользовались востребованностью. Как представитель рода потомственных ученых, Георгий с юных лет впитывал дух уважения к интеллектуальной деятельности и научному творчеству.

В 1889 г. семья Вернадских переехала в Москву. Здесь в 1905 г. Георгий закончил классическую гимназию с золотой медалью. В годы учебы в гимназии у него проявился интерес к истории, поддержанный его отцом — как и все крупные деятели науки, Владимир Иванович хорошо разбирался в исторической проблематике. Увлечение историей у Георгия носило предметный характер: он совершил множество экскурсий по окрестностям Москвы, во Владимир, в Суздаль, где основное внимание уделял осмотру памятников древнерусского зодчества. Осенью 1905 г. Вернадский-младший поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он посещал курсы таких авторитетных профессоров как Савин, Петрушевский, Богословский, Кизеветтер, Виппер. Большое впечатление на него произвели лекции В. О. Ключевского.

Научным занятиям способствовала выявившаяся у Георгия склонность к академичному, несуетному образу жизни, отсутствие